

Рождественский концерт, Светланов за портьерой

Московские оркестры завершают год

ВИКТОР АХЛОМОВ

Геннадий Рождественский, проводник ветхозаветного «Илии»

Петр ПОСПЕЛОВ

Хочу изложить теорию, согласно которой московский музыкальный год должен измеряться не по сезонам (с осени по лето), а по календарным годам (с января по декабрь). Конец года — кульминация музыкальных будней: нет ни одного мало-мальски значимого солиста или коллектива, который не пожелал бы явить публике свои лучшие достоинства в пору расцвета музыкальной жадности — с 1 января она закономерно ослабевает, уступая место ощущению открывшегося запаса времени. На декабрьской арене — не только Спиваков и Башмет (о них еще напишем), но и ведущие московские оркестры.

Федосеевцы отслужили декабрь раньше других, победоносно сыграли Торжественную мессу Бетховена (мы писали) и отбыли на европейские гастроли. Настал черед подтверждать свой авторитет экс-плетнецам — хоть убейте, язык и компьютер все еще отказываются именовать их спиваковцами. Всю осень за пультом Российского национального оркестра менялись кондуктора, и каждый пытался с налета сыграть свой собственный блестящий концерт. Лучшим был Пааво Берглунд — с ним оркестр прелестно исполнил Сибелиуса, то ли из любви к финскому «деду», то ли потому, что партитуры не требовали большого состава. Все прочие дирижеры — Роберт Бахман, Андрей Бореико и сам Михаил Плетнев — побед не достигли. Усталый, то и дело разбегающийся по халтурам коллектив — совсем не тот плет-

невский оркестр, который в середине 90-х демонстрировал уровень экстра-класса.

Очередное хакари РНО устроил себе, взявшись исполнить Шестую симфонию Малера. Огромным составом с многочисленными внештатниками дирижировал молодой, но опытный уральский дирижер Дмитрий Лисс, на Малера очень похожий. С первых же тактов он крепко взял вожжи в свои руки; скоро стало ясно, что архитектуру симфонии строителю понимает блестяще и намерен возводить здание до конца, что он и делал, невзирая на то, что цемент по дороге сох, а шифер ломался. Через час с лишним наступила пора оглядеть построенное. С последним аккордом, уходящим в тишину, мы отступили на несколько шагов; крышу дома завершила труба. В последний момент, вместо того чтобы испустить уютный дымок, труба кикнула на самом нежном месте, и дом рухнул. Нас не смогли утешить и воспоминания о первом отделении, в котором Юрий Башмет солировал в «Кол нидрей» Бруха (в памяти остался красивый, как всегда, тембр альты, но не более), а потом Башмет же и выпетший Мишель Порталь (кларнет) играли Двойной концерт того же автора, едва собрав его с помощью Дмитрия Лисса на живую нитку.

Концерт «светлановцев» внушал гораздо меньше надежд: в последние месяцы основным занятием оркестра стала война с собственным главным дирижером. Отношения испорчены, а в апреле надо играть ораторию Листа «Христос». Даст ли оркестр скру-

тить себя в бараний рог или Светланову с «Христом» придется искать другой оркестр, а заодно и деньги на него — вопрос, еще не разрешенный. Казалось бы, тут не до музыки — и удивительно, что поэму Штрауса «Жизнь героя» (не менее громоздкую, чем Шестая Малера, не осиленная экс-плетнецами) Госоркестр не провалил. На выручку пришел Джансуг Кахидзе, который поступил как матерый волк — не поддавшись искусству индивидуальной интерпретации, он скупными жестами помог оркестру миновать рифы и пройти курс без особых потерь. Оркестр же показал солидный запас прочности.

«Стикс», новое сочинение Гии Канчели, сыгранный Госоркестром и Кахидзе, вызвал овации Большого зала консерватории, заполненного с аншлагом — такого с премьерными современными композиторами не было давно. Канчели остался верен себе — в его сочинении занят огромный состав оркестра и хор (консерваторцы под руководством Бориса Тевлина), но в 95% музыки оно тихое и очень тихое. Драгоценной ниточкой выписана партия альты, и Юрий Башмет в этот вечер имел своей звездный час. «Стикс», по берегам которого стоят мир живых и мир ушедших, нес свои воды, переливаясь красотою всех цветов: то альт играет небесными флажолетами вместе с хором, то бас-гитара вместе с контрабасами (фирменный прием) поднимает на себе приторный, чувственный аккорд. То вдруг — полным составом на «три форте» с колоколами: в эти минуты зал замирал от чувства великолепия. Имели место и нехитрые

ВИКТОР АХЛОМОВ

Гия Канчели, певец мифологического «Стикса»

мотивчики у рояля с клавишином, совсем как на «Мосфильме» или «Грузия-фильме» в старые времена, и даже народный танец. Назначив альту Башмета роль перевозчика через Стикс, Канчели и сам стал Хароном в музыке. Если Шнитке писал только о личном, а Тертерян только о безлично вечном, то Канчели находится ровно посередине. Его новый опус — тоже между мирами: не столько современное искусство в интеллектуальном понимании, сколько, в основе, кино- или даже рок-музыка, предельно окультуренная, замедленная, почти до исчезновения растворенная в симфонических объемах, но сохраняющая подспудный импульс непосредственного утробного действия.

В те же дни, когда лучший независимый оркестр не блистал в Малере, а прославленный государственный не тонул в Рихарде Штраусе, на той же сцене появился Оркестр Большого зала консерватории. Он был не чем иным, как студенческим оркестром Консерватории, вместе с которым работали студенческий хор и солисты-певцы — вчерашние студенты. В начале декабря Геннадий Рождественский решил, что свой очередной раритет — забытую ораторию Мендельсона «Илия» — он исполнит с молодыми силами. Консерватория организовала дело, факультеты заработали, и к приезду Рождественского все было выучено. Результат превзошел ожидания: давно уже Москва не слышала исполнения столь свежего и вдохновенного — только публики было обидно мало. Хор звучал лучше любого самого опытного хора, оркестр, еще не слишком

взрослый, чтобы играть строго по руке, тоже не ударил в грязь лицом. Бас Владимир Байков пел от лица Ильи-пророка в стиле и с энтузиазмом. Ансамбль солистов, сплошь хороших, украшало лучистое сопрано Яны Бесядынской. Даже тертый филармонический тенор Алексей Мартынов, затеавшийся в молодую компанию, пел на порядок лучше обычного. Точные и нужные, едва заметные жесты Геннадия Рождественского сообщали происходящему легкость и вкус нового открытия, которого вполне заслуживала пыльная, героическая и сладкая, академичная и многофигурная, как наше «Явление Христа народу», оратория Мендельсона.

Так вот вам и оркестр да хор, с которыми Светланову не стыдно будет явить народу «Христа» Листа! — осенило тут вашего корреспондента. Оказалось, осенило не его первого: в углу ложи, спрятавшись от зала за портьерой, сидел Евгений Светланов. Не исключено, что опыт Рождественского, своего давнего соперника, он изучал и для собственных нужд. Позже я узнал, что перспектива сотрудничества со Светлановым уже обсуждалась с ректором консерватории. И в самом деле, зачем чинить насилие над взбунтовавшимся Госоркестром, который вынес Светланову вотум недоверия, бойкотировать распоряжения Минкульту и вкатил иск самому министру, если есть столь превосходные, молодые, боевые и беспятные силы, с которыми маэстро на склоне лет мог бы заключить красивый союз юности и мудрости? Пройдет Новый год, и нас еще ждут веселые времена.